

Дзюсэцу, сварив целебный отвар из трав, принесенных вернувшимся Онкеем, заставила Когё его выпить. К утру жар спал, и лицо больной, которую кормили пюре из морковки и лакрицы, обрело слабый румянец. Пока они заботились о Когё, солнце клонилось к закату, и во дворец явился Коушун. Дзюсэцу позвала его, и он, обращаясь к Когё, спросил: — Ты знаешь имя евнуха, что велел тебе молчать и убил Хан Оуджо? Когё, не выглядя удивленной, кивнула и написала имя на клочке бумаги. Коушун бегло просмотрел его и передал Эйсею. — Подхалим вдовствующей императрицы. Низкого ранга. Сейчас служит во Дворце. — Я рад, что не закончил все тогда, — пробормотал Коушун, но так тихо, что слышали его только Дзюсэцу и Эйсей. Под "тогда" он, вероятно, имел в виду свержение вдовствующей императрицы. — Ты знаешь имя жениха Хан Оуджо? Когё, не раздумывая, написала: "Няньян всегда звала его господином Дзюроу". Затем, погрузившись в раздумья, она вспомнила, что "Дзюроу" — это, скорее всего, прозвище, означающее "десятый сын" в поколении. Вспомнив имя жениха, она быстро вывела на бумаге: "Каку Коу". — Каку Коу?.. — озадаченно пробормотал Коушун. — Вам знакомо это имя? — спросил Эйсей. Коушун, приложив руку к подбородку, задумался. — Слышал. Полагаю, от Мейина. Мейин был придворным ученым, советником императора. — Каку Коу — гений. Он занял первое место на экзамене на государственную службу и теперь служит в библиотеке. "Восхитительная память", — подумала Дзюсэцу. Коушун, скрестив руки на груди, глубоко задумался. — Раз их статус был настолько высок, что позволил отдать дочь во дворец в качестве наложницы, тогда и ее жених, скорее всего, из знатной семьи. Тогда то, что он чиновник, имеет смысл, но..... Что этот жених думает о Хан Оуджо? Ее забрали от него во дворец, к императору, что привело к смерти. Дзюсэцу сжала сережку, лежавшую у нее за поясом. — Стоит ли нам с ним встретиться? — спросила она Коушуна. — С ним? — переспросил он. Наложницам запрещалось общаться с людьми вне дворца, кроме семьи. — Похоже, Хан Оуджо тосковала по своему жениху даже после того, как попала во дворец. Я хочу спросить у него, какие у них были отношения. Возможно, сожаления Хан Оуджо были связаны с ее возлюбленным. Если бы жених уехал в родной город, Дзюсэцу не смогла бы проверить это, поскольку ей запрещено покидать дворец, но, к счастью, он служил чиновником во дворце. С помощью Коушуна они могли бы встретиться. — Хорошо, — тут же ответил Коушун, хотя было видно, что он что-то обдумывает. — Я устрою вам встречу. Дзюсэцу какое-то время изучала лицо Коушуна. Ей было любопытно, что для него значит эта нефритовая серьга. — ...Я спрашивала у тебя об этом еще в начале, но почему ты так стараешься? Разве это не просто случайно найденная тобой серьга? Императоры таким обычно не занимаются. Коушун лишь посмотрел на Дзюсэцу, но ничего не ответил. Он развернулся, чтобы выйти из комнаты, и возмущенная его молчанием Дзюсэцу пошла за ним. Он уже почти вышел из дворца, но вдруг остановился. Не оборачиваясь, он сказал: — Думаю, что еще в самом начале сказал тебе, — тихо проговорил он. Дзюсэцу подошла к нему и посмотрела прямо ему в лицо. — Я хочу знать, кто обронил эту серьгу. — Я же говорила, что не могу. — Вот поэтому, если я узнаю, что за призрак в нее вселился, мы выясним, кто это был. — ...Поэтому ты заставил меня провести это расследование? — Благодаря тебе я выяснил, что серьга принадлежала Хан Оуджо. Я тебе искренне благодарен. — Даже если ты теперь это знаешь, не факт, что это она ее обронила. Это мог сделать тот евнух или наложница, которая жила здесь еще при прежнем императоре и которой Хан Оуджо подарила эту сережку. Под такие характеристики подпадал почти любой. — Ты так и не сказал мне, почему ты этим так интересуешься. Коушун, казалось, отвечал на ее вопросы развернуто, но на самом деле не вкладывал сути в ответ. И так было с самого начала. Он походил на серьезного человека, но она не думала, что ему можно доверять. Он бросил на нее взгляд, а затем слегка к ней наклонился. — Если я скажу, это лишь добавит тебе проблем. Его лицо было так близко к ее, что она почти попятилась, но голос его звучал еще тише, чем до этого, и она вынужденно осталась стоять так. Этим он был готов поделиться далеко не с каждым. — У меня уже море неприятностей из-за тебя. — ...Не я нашел эту серьгу. Дзюсэцу удивленно подняла взгляд на Коушуна. — Тогда кто? — Мой шпион. — Шпион... — Тот, кто ее уронил, мог быть свидетелем их замыслов. В таком случае они бы мне

сильно помогли. — Повелитель, — заговорил Эйсей. — Вам не нужно раскрывать так много. Коушуну было достаточно взглянуть на него, чтобы евнух замолчал.

"Замыслов?" Свидетель, который уронил серьгу. Дзюэцу нахмурилась. — Так ты поэтому так стараешься это выяснить? Не ради призрака. Так слова "Мне ее жаль" — ложь?! — Я ответил на все твои вопросы, — только и сказал Коушун, не меняя выражение лица, а потом зашагал прочь. Дзюэцу уставилась ему в спину. — Однако... Разве ты не можешь спасти ее? Вспомнились ей его слова. Она перестала хмуриться. Если ему нужно было лишь добраться до того человека, который уронил серьгу, то он мог не делать такой запрос. Однако осознав это, Дзюэцу растерялась. Ей было интересно, зачем тогда все это. Она была убеждена, что Коушун так и не сказал ей правды. — ...Дзюэцу, глядевшая в спину уходящего Коушуна, сделала шаг вперед. — Постой, — окликнула она его, когда он почти дошел до ворот. Она подошла к нему, а он обернулся. — Мне нужно еще кое-что тебе сказать. — Если это насчет серьги... — Нет, это о другом, — перебила она Коушуна. Было кое-что, о чем она хотела его спросить. Она не могла оставить все так. Коушун посмотрел на нее, а потом обменялся взглядами с Эйсеем. Тот посмотрел на Дзюэцу недоверчиво, но поклонился и отошел. Коушун побрел к пруду. Ночь стояла безветренная, на темной глади воды отражалась луна. — ...Почему ты позволил мне уйти? Я не понимаю твоих намерений. Дзюэцу встала у пруда, глядя на Коушуна. Он притворялся, что не знает, кто она на самом деле, и она совсем не понимала, зачем он это делает. Ее мысли кружились, как осенние листья, — «О чем же на самом деле думает этот человек?» — повторяла она про себя, глядя на Коушуна. Тот бросил на нее короткий, холодный взгляд, напоминающий зимнее солнце, и произнес: — Мне от этого ничего не будет. Его слова звучали тихо и равнодушно, как шепот ветра в заснеженном лесу. Ни одной эмоции не отражалось в его голосе, ни на его лице. — Потерь будет больше, — продолжил он, не отрывая взгляда от Дзюэцу. — Если я тебя казню, мы лишимся наложницы-Ворона, а люди обвинят меня в жестокости. Дедушка зашел слишком далеко... — последнее предложение он пробормотал, словно обращаясь к себе, и перевел взгляд на воду. — Заняв трон, он стал бояться. С возрастом страх только усилился, он даже убил собственных сыновей, потому что верил, что все хотят отобрать у него власть. Тот император казнил своих сыновей за мнимую измену. Коушун сделал паузу, наблюдая за мерцающей рябью на воде. — Так что мне нет нужды тебя убивать. Хотя, конечно, ситуация изменится, если ты захочешь убить меня. Он снова посмотрел на Дзюэцу, словно пытаясь разгадать ее мысли, прочитать ее душу. — ...Мне это не нужно, — тихо ответила она, не встречая его взгляда. — Ты не испытываешь ненависти? — спросил Коушун, на его лице появилась едва заметная складка, словно от легкого недоумения. — Ни к моему деду, ни к отцу? Дзюэцу молчала, глядя на лунный свет, отражавшийся в воде. Холодный блеск луны казался ей холодным и безжалостным, как ее собственная душа. — Не знаю, — прошептала она, голос ее звучал глухо и отрешенно. — Никогда не задумывалась о том, ненавижу ли я кого-то. Если я и буду ненавидеть, то саму себя. — Почему? — нахмурился Коушун, его брови сошлись над переносицей. — Потому что я бросила свою мать. Когда ее поймали, я закрыла уши, задержала дыхание. Меня не нашли. Выжила только она. Дзюэцу, не отрывая взгляда от воды, прошептала: — Я смотрела, как ее убивают. Эти слова прозвучали, словно удар кинжала в самое сердце. Она видела, как ее мать умирает, слышала ее крики, но лишь зажала уши и дрожала, молясь, чтобы все поскорее закончилось. Она надеялась, что стоит переждать, и все вернется на круги своя. Но этого не произошло. Когда она увидела обезглавленное тело матери, ее сердце разорвалось на части. Почему она не выпрыгнула из укрытия? Почему не спасла ее? — ...Если ты не убьешь меня сейчас, потому что это невыгодно, то можешь убить позже, когда появится такая возможность. Но я не против, — сказала Дзюэцу, словно бы говоря о чем-то совершенно незначительном. Она повернулась, чтобы уйти, но Коушун остановил ее. — Дзюэцу, — прошептал он, произнося ее имя впервые. Этот звук прозвучал в ее душе мягкой, но глубокой болью.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/2959812>